

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПЕРЕПИСКА
В. А. Жуковского
и А. П. Елагиной

1813—1852

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
П 27

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проекты №№ 04-04-00295а, 07-04-16030д

П 27 Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813—1852 / Сост.,
подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жилияковой; Томский гос. ун-т. — М.:
Знак, 2009. — 728 с.

ISBN 978-5-9551-0329-7

В книге представлена переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной, двух выдающихся деятелей русской культуры первой половины XIX века, на протяжении с 1813 по 1852 г.

Эпистолярный, впервые собранный как единый текст, является важным документом памяти культуры, истории литературы и жизнестроения целого поколения русской дворянской интеллигенции 1820—1850 гг., образцом русской философско-психологической прозы. В переписке поднимаются вопросы философии, литературы, религии, педагогики, представлены отклики на важнейшие общественные и культурные события эпохи, содержится большой материал биографического и культурно-бытового характера.

В Приложении опубликован текст Орловского журнала, написанного матерью и дочерьми Протасовыми (Екатерины Афанасьевной, Марией и Александрой) и А. П. Киреевской 1812 г.

ББК 83.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0329-7

© Э. М. Жилиякова. Сост., подгот. текста,
ст. и коммент., 2009
© Знак, оригинал-макет, 2009

Оглавление

Письма В. А. Жуковского и А. П. Елагиной	5
Дополнения	616

Приложения

1. Переписка А. П. Елагиной и В. А. Жуковского как памятник русской культуры первой половины XIX века	633
2. «Дневник семейства Протасовых и А. П. Киреевской 1812 года в Орле» со 2-го авг(уста) по 27 октября	666
Список принятых сокращений	695
Указатель имен	697
Иллюстрации	721

1. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Лето 1813 г. Начало письма в Черни, остальное в Мишенском¹

Я пишу к вам для того, что на словах или *не все* скажу, или не буду иметь ни случая ни времени, или не буду уметь довольно ясно выразиться, или от противоречия потеряю из памяти то, что сказать был намерен. К тому же сказанное забывается, а написанное остается.

Наше путешествие в Долбино², признаюсь, пугает меня и за вас и за прочих. Я был бы совершенно покоен, когда бы мог быть уверен, что вы *захотите* дать волю рассудку, дабы победить то впечатление, которое натурально должно произвести первый взгляд на Долбино³. Очень понимаю, что весьма тяжело возвратиться в такое место, где все напоминает о милом человеке; но я не понимаю, как можно давать волю над собою печальному чувству, не понимаю, как можно даже находить наслаждение в этом раздражении горести. А этого-то я от вас и боюсь. Как вы ни говорите, но имея много настоящей чувствительности, вы имеете и слишком распаленную голову; ничто до сих пор не заставляло вас думать об излечении этой болезни, которая, право, может иметь жестокое влияние и на вашу жизнь, и на судьбу ваших детей. Пускай бы люди, у которых нет души, трудились над тем, чтобы иметь подделанные чувства, вам какая нужда прибавлять к тому, что имеете от природы. И несмотря на то, ваше воображение любит трудиться над изобретением новых горестей, чтобы произвести в душе такие чувства, которых нет и не должно быть в натуре и которые самые натуральные должны наконец уничтожить. Возвращение в Долбино естественно должно возбудить горестное воспоминание. Но этого довольно. Что перейдет за эту границу, то будет неестественное, а подделанное. Не думайте, чтобы я здесь говорил о притворстве. Нет! я никогда не замечал в вас притворства; но подделанным чувством называю такое,

---

¹ Датировка устанавливается на основании упоминаемых событий: после смерти В.И. Киреевского 1 ноября 1812 года Авдотья Петровна с детьми жила в течение нескольких месяцев в Муратове у Екатерины Афанасьевны Протасовой и летом 1813 года собралась вернуться в Долбино.

² *Наше путешествие в Долбино...* — Долбино — родовое имение Киреевских, расположено недалеко от Белева, над рекою Выркою, при впадении в нее Черемошни и Вязови.

³ ... *победить то впечатление, которое натурально должно произвести первый взгляд на Долбино* — О самоотверженной деятельности В.И. Киреевского в Орле по организации госпиталей для русских солдат и французских пленных в дни нашествия Наполеона и его болезни подробно рассказано в «Подробном Журнале всех действий, движений и перемен, произошедших во время пребывания праведных Муратовских жителей в преславном городе Орле» (РГБ, ф. 99, к. XXIII, № 9, л. 1—34 с оборотами).

которое с усилием, стараясь раздражать и питать свою горесть, наконец, производит в душе и которое действует на нее столь же сильно, как и настоящее, еще сильнее, потому что ему помогает воображение, которое, произведя его, старается и укоренить. Боюсь, что вы, оживив свою горесть воспоминанием, к ней привяжетесь, начнете ее растравлять, может быть, сочтете, что вы *обязаны* ей предаваться, что не иметь ее есть оскорбление вашей должности, вашей любви; таким образом прошедшее возобновится и вы насильно себя приведете в то самое положение, в какое привела бы вас новая потеря, подобная прежней. Признаюсь, я боюсь, чтобы вы не имели вредной мысли, что горесть есть обязанность, что стараться ее уменьшить есть некоторым образом преступление и что, напротив, весьма достойно вашего характера ее усиливать и продлить сколько можно. Прошу вас, милая, выйти из заблуждения. Горесть не есть воспоминание, она, разлучая нас с жизнью, переселяет из мира в гроб и связывает с мертвыми союзом, нимало их недостойным. Воспоминание есть союз другого рода: это милое *товарищество*, которого и смерть не разрывает, *завещание*, по которому мы *одни* исполняем то, что прежде исполняли *вдвоем*. Скажите ж! разве вам не оставлено никакого завещания? а если оставлено, то горесть не есть ли первая преграда к его исполнению, особливо неумеренная, усиленная воображением и никогда непозволенная горесть? На это ни с какою диалектикою не можете вы сделать сносного возражения. И на что же возражение? Дело не о том, чтобы вам или мне быть правым! но о нашем общем добре, о нашем общем счастье? Итак самолюбие в сторону! подумайте о том, что я вам говорю; согласитесь, если найдете, что я прав (но дай Бог, чтобы я был неправ! тем меньше труда!) и *agissez en conséquence**.

До сих пор написано было в Черни. Наш разговор в коляске меня несколько успокоил. Вы заодно со мною старались опровергать Сашу, следовательно, во многом вы со мною согласны. Но весь мой страх не без основания; и я доскажу, что был сказать намерен. Одно только прошу вас как доказательства дружбы: не показывайте никому этого письма. Оно для вас одних. Мне будет очень больно, если кому-нибудь вздумается надо мною пошутить и найти мое послание к вам странным. Право, я пишу для того, что боюсь вашей поездки в Долбино и думаю что-нибудь своим письмом сделать.

Вы спросите, чего я от вас требую? Я требую, чтобы вы себя переломили; чтобы вы, дав волю настоящей горести в первую минуту, решительно отказались от всего того, что может ее усилить; не останавливались бы на ней мыслями; избегали бы всякого случая возобновить ее; думали бы о том, что у вас есть, а не о том, что вы потеряли, и, наконец, чтобы вы уничтожили вредную, фальшивую мысль, что горесть есть должность. Стараться быть счастливою, сколько возможно, есть ваша обязанность, ибо вы мать (не говоря уже о прочих ваших связях). Уверьте же себя один раз навсегда, что воспитывая своих детей для *счастия*¹ и стараясь сберечь для

¹ ... *воспитывая своих детей для счастия*... — Жуковский в августе 1813 года в день рождения Маши Киреевской (род. 8 августа 1811 г.) пишет поэтическое послание Авдотье Петровне («Вотще, вотще невинной красотой <...>»), в котором убеждает ее отказаться от тра-

них оставленное им состояние в наилучшем порядке, вы самым убедительным образом докажете, что память их отца вам дорога. Но чтобы иметь в этом успех, надобно сохранить душевный покой, беречь его как некоторую драгоценность, а не стараться его расстроивать. Боюсь, что мое требование покажется вам неисполнительным, но я бы желал — и ваше согласие было бы для меня самым неоспоримым знаком дружбы — я бы желал, чтобы вы не ходили в церковь, во все время вашего пребывания в Долбине. Кто ручается за следствие сильного впечатления. Взгляните на себя! но если и надеетесь на свои силы, то можете ли ручаться за тетушку¹ и особливо за Машу². У одной всякий день болит голова. Другой здоровье на волоске. Скажите ж, как не отказаться от обряда (который сам по себе бесполезен и только есть наружный знак воспоминания), когда можно почти наверное предсказать, что он будет иметь на них вредное действие. Теперь всякое новое потрясение пагубно для Маши; Фор³ говорит: *il est bien temps de prendre des précautions s̄erieuses*** . Следовательно, всего более надобно думать, как бы поправить испорченное; а не прибавлять к старому новое, которое тем будет сильнее, что должно действовать на силы уже истощенные. Еще один какой-нибудь чувствительный удар, и тогда, может быть, уже ничего исправить не будет возможно. Подумайте ж, если вы некоторым образом сделаетесь причиною этого ужасного несчастья? Что вас тогда утешит! Признаюсь, мне очень жаль, что наш отъезд не был еще отсрочен. Только что начала она лечиться, а уже и готово новое горе: слезы, ночи без сна, унылость — все это для нее яд! Милая, вы ее искренно любите, вы всегда об ней думаете, вы точно находите счастье в привязанности к ней — в этом я уверен. Но вам не достает постоянства в вашей к ней доверенности. Иногда ваша *susceptibilit̄e**** бывает причиною огорчения и для нее и для вас. Зачем давать воображению волю и принимать его выдумки за правду. Особливо с Машею должно быть как можно осторожнее. Вы знаете, что все падает прямо к ней на сердце и в нем остается; она скрывает всякое огорчение в самой себе. Бездельное волнение, при таком нежном здоровье, есть прием яда; а этот яд, мало-помалу скопляясь, наконец подействует. Посмотрите на нее. Эта слабость, право, меня ужасает. Милая, вам можно быть ее хранителем. Дайте ж мне слово, что с этой минуты даже и тогда не огорчите ее своим упреком, когда бы

ура и предаться радости воспитания детей: «⟨...⟩ в кругу детей прелестных / Не чтить за долг убийственное горе» (ПСС2, I, 279—280). Об этом же говорится в «Молитве детей», обращенной от имени маленьких Киреевских к Богу с просьбой сохранить им мать: «И счастье ее священных дней / Спутницей — звездой для нас сияет!» (Там же. С. 280).

¹ ... можете ли ручаться за тетушку... — Тетушкой (или Маменькой) в письмах называют Екатерину Афанасьевну Протасову (урожд. Бунину, 1771—1848), мать Марии и Александры Протасовых, сестру по отцу В. А. Жуковского, родную сестру матери А. П. Киреевской — Елагиной.

² ... и особливо за Машу — Мария Андреевна Протасова (в замуж. Мойер, 1793—1823).

³ Фор говорит... — Раймонд Фор (d-g Faure, 1786—1850), французский доктор, взятый в плен под Малым Ярославцем, жил в имении Плещеевых Чернь, скоро привык к русским и просился у военного министра на русскую службу. Он лечил Машу Протасову во время ее болезни. Адресат посланий Жуковского.

имели на то право. Если и может она сделаться перед вами виновною, то, конечно, не от недостатка дружбы и верно на одну минуту. Но ее спокойствие — это должно быть для вас главное. На спокойствии основана ее жизнь. Душевное волнение для нее пагубно — как же ужасно быть его причиною. Вы все можете делать для ее сбережения! Вы имеете столько способов ее счастливить — на что же то, что составляет ее счастье, ваша дружба бывает источником и огорчения. Я очень понимаю, что можно и в дружбе быть ревнивым (новое доказательство привязанности), но огорчения ревности всегда несправедливы; скрывая их, живее доказываешь свою привязанность. Лучше простить, не дождавшись оправдания, нежели обнаружив свое огорчение, расстроить спокойствие милого человека, особливо, когда знаешь, что всякое душевное волнение ему вредно. На вашем месте при всякой досаде я говорил бы себе: *или я ошибаюсь или нет! Но огорчу ее верно, лучше же пожертвовать своим неудовольствием.* Я уверен, что против такой мысли никакая досада устоять не может — иначе нет и дружбы. Таким образом, вы будете не только ей другом, но и в полном смысле хранителем ее жизни. Не правду ли ж я говорил дорогою, что *счастье ваше в ваших руках.* Чтоб быть счастливою в дружбе, вам стоит только не давать воли первым движениям досады и быть не столько взыскательною. Я это говорю не для того, чтобы вас обвинять, но для того единственно, что почитаю необходимым сказать вам искренно мое мнение. Или я очень ошибусь в вас, или ваша дружба ко мне должна за это усилиться. Например, вы иногда говорите: *я не хотела бы никого любить; всего лучше не иметь привязанности* и прочее. Все это чрезвычайно оскорбительно и несправедливо; и может служить не только к огорчению, но со временем охладить и самую дружбу, которая не может существовать без полной доверенности. Я смотрю с удовольствием на вас, когда вы с такой заботливостью приготавливаете лекарства для Маши, но иногда мне кажется это печальным противоречием: ваши огорчительные ссоры, основанные на безделицах, не должны ли назваться ядом, который уничтожает действие этих лекарств! Разрушать одной рукою то, что сделала другая! День, проведенный в слезах, которые надобно еще скрывать, и ночь без сна то же для Маши, что день болезни. Одним словом, для сохранения ее жизни и вашего счастья должны вы наперед пожертвовать всеми будущими досадами, должны решиться их не иметь, даже и тогда не иметь, когда бы было на то право. Такое жертвование даст вам полное и счастливое спокойствие и самая ваша дружба от этого должна увеличиться. Какое счастье для вас быть ее хранителем. Веселость души нужнее для нее всех Форовых лекарств, и вы владеете этим верным лекарством. Вы созданы для того, чтобы быть ею любимую; ваш характер дает вам на то право. Истребите ж из него все то, что может это право уничтожить.

Я не говорю уже ни слова о том, как необходимо принять предписанный Фором régime****. Хотя и сбирался говорить об этом весьма пространно. Я думал сначала, что это предписание будет пренебрежено и Форов совет сочтен неосновательным. Но теперь я спокоен с этой стороны. Кажется, у вас положено слушаться доктора. Теперь остается одно: постоянство, исполнять *всегда*, что

начато *однажды*. Если нет болезни, то из этого не следует еще, что нет нужды и в предосторожности. Напротив, при таком хилом здоровье, каково Машино, нужно иметь осторожность неусыпную и не оставлять без замечания ни малейшей безделицы: Фор говорит, что он ручается за ее сохранение только тогда, когда *все* и *всегда* было исполняемо. И от вас зависит, чтобы это *все* было исполняемо *всегда*. Но не забывать, что без душевного лекарства не может действовать и телесное.

P. S. Баронесса (я слышал) говорила¹, что не худо бы пригласить к вам в Долбино Николы Гастунского протопопа, думая, что его присутствие послужило бы к вашему успокоению. Тетушка нашла это излишним и очень справедливо. А мне это было и досадно. Почему же человек, одетый в рясу и имеющий имя протопопа, может иметь на вас более влияния, нежели наша общая польза, нежели вид ваших детей, нежели собственный рассудок, который запрещает вам всякое излишество и говорит вам, что избегать всякого бесполезного расстройства души есть ваша должность. Признаюсь, что ничто так меня не трогает и не возбуждает моего почтения как спокойная твердость чувствительного человека, решившегося исполнять свою обязанность, ничему не поддаваясь, и ничто так не приятно, как иметь такое почтение к своим друзьям.

Самое действительное лекарство от огорчения есть *занятие*. Это я много раз испытал на себе. Вы имеете два таких занятия, которые могли бы служить для вас на всю жизнь источником приятнейшей *деятельности*: *Воспитание* ваших детей и *хозяйство*. По сию пору я еще не заметил, чтобы вы и тем и другим занимались как должно. О последнем не говорю, потому что не могу никакого подать совета в таком деле, которого не знаю; что же касается до первого, то вам нельзя же вообразить, чтобы вы имели все сведения и опытность, нужные для воспитания. Прочитывать в день по странице с Петрушей и с Ваничкой не значит еще их воспитывать. Если где нужна метода и *одна* постоянная система, то, конечно, в воспитании, ибо здесь каждый шаг, каждая ошибка могут иметь важнейшее следствие на целую жизнь детей. Скажите ж, имеете ли вы какую-нибудь методу. Ее можно только занять из чтения хороших книг и из чтения порядочного; а вы читаете Ифланда², переписываете ноты или (Hélas!*****) мои стихи. Надобно вам самим несколько времени поучиться, чтобы сделаться полезною для детей. Для сыновей ваших будут со временем открыты университеты, а для дочери вы одни. Для чего же не стараетесь скоплять нужные сведения для воспитательницы. Одной материнской привязанности недовольно. И в самом образовании нравственности нужна метода. Чтобы получить ее, надобно спроситься с книгами: в них собраны чужие опыты, которые можно принаровить к своим обстоятельствам. Займитесь же сперва воспитанием как *наукой*, для себя, потом будете исполнять прочитанное

¹ Баронесса (я слышал) говорила... — Мария Алексеевна Черкасова (урожд. Кожина, ум. 1817), баронесса, жена И. П. Черкасова, барона, владельца имения Володьково, соседа Протасовых и Киреевских.

² ...а вы читаете Ифланда... — Август Вильгельм Ифланд (1759—1814), немецкий писатель и актер, директор Берлинского театра.

на деле. А это занятие наполнит приятнейшим образом вашу жизнь, и с ним душевное спокойствие неразлучно. Только порядок и постоянство.

Еще раз прошу: этого письма отнюдь никому не показывать. Исполнение этой просьбы будет доказательством искренней дружбы.

Перевод

* действуйте по обстоятельствам (франц.).

** время предпринимать серьезные меры предосторожности (франц.).

*** чувствительность (франц.).

**** режим (франц.).

***** увы! (франц.).

Автограф неизвестен.

Копия: ПД, ф. 265, оп. 2, № 1040, л. 1—7 с об. —8.

Впервые опубликовано: РС, 1883, № 1. С. 197—202.

Печатается по копии.

2. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1813, Мишенское, в июле. Из одной комнаты в другую¹

Я ходил, ходил по зале в надежде, что вы выйдете, наконец, потерял терпение и вздумал вам написать. Маше непременно надобно пробыть несколько времени в глазах доктора; это особенно нужно при *начале* лечения; вы видите сами, что вы ничего не умеете делать; надобно, чтобы он научил.

Вместо Долбина ехать бы в Чернь и там пробыть недели полторы или две. Это и потому нужно, что для первых дней пребывания в Долбине Маше надобны большие силы; я уверен, что ей почти так же будет грустно там, как и вам самим. Эта грусть, право, помешает лечению. Надобно привести здоровье несколько в порядок. Не понимаю, как это могло не прийти нам в голову еще в Черни. Успех лечения зависит от начала его. Но вы видите, что оно в начале идет худо. Вместо того, чтобы грусть имела желанное действие, мы теперь принуждены *останавливать* ее действие: две беды вместо одной. К тому же еще и мучительное страдание. Прибавьте к этому *новую грусть*, и все испортится. То, что вас зовет в Долбино, милая, может быть отложено. Приедем туда через две недели; но по крайней мере уж с одной стороны сердце будет на месте. Для вашего собственного спокойствия это необходимо. Я не знаю, достанет ли у вас довольно сил, чтобы снести два огорчения. Быть в Долбине и видеть ее страдания — эти две грусти, право, несносны. Настойте ж, милая, на том, чтобы ехать в Чернь. Не слушайте Маши! она всем готова для вас жертвовать; потому-то и не должно принимать таких пожертвований. Я не знаю, как тетушка могла сказать, что *они могут быть там в тягость*,

¹ Датируется на основании содержания письма: после смерти мужа Авдотья Петровна жила с Протасовыми в Мишенском до февраля 1814 года.

там, где за величайшее счастье почитают их любить и все для них делать. Как бы то ни было, теперь совсем не время ехать в Долбино. Настойте с твердостью. Ехать в Долбино совсем не есть *необходимость*, а быть в Черни, право, *необходимо*. Возьмете ли на себя отвечать за следствия? Для вас все равно: ехать ли *завтра* или через *две недели* в Долбино; а для нее, право, не все равно. Не подумайте, чтобы я считал за нужное вас в этом случае уговаривать; я знаю, что вы этого желаете сами, что вы уже сделали предложение. Но я желаю только, чтобы вы настояли решительнее и не откладывали. Если ехать, так ехать завтра или поздно, поздно послезавтра. Нынче бы послать в Чернь, чтобы нам прислали в Дольцы подставу; вы своих лошадей отошлете в Долбино; они будут дожидаться нас в Каменове тогда, когда мы поедem назад. J'ai eu la bêtise de dire un mot sur ce départ. J'ai mal fait. Selon ma coutume ordinaire je gâte les choses dont je me mêle. Tâchez de remédier à ce mal*.

Перевод

* Я имел глупость сказать об этом отъезде. Я сделал плохо — согласно моей привычке, я порчу то, во что вмешиваюсь. Постарайтесь исправить эту неприятность (*франц.*).

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РС, 1883, № 3. С. 203—204

Печатается по первой публикации.

3. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Июль 1813¹

Письмо ваше буду беречь вечно как драгоценный знак дружеского участия, и ежели бы дружба моя к вам могла увеличиться, то я думаю, что теперь стала бы любить вас и уважать еще больше. На все то, что вы мне сказали, *возражений* я делать не буду, вам этого нечего бояться, а скажу вам просто то, что *чувствую*, не спрашиваясь с воображением, а с самолюбием еще меньше. Итак, на первое: ежели бы я искала случая увеличивать свою горесть, то давно была бы в Долбине; я все самые нужнейшие дела откладывала, сколько могла для того, чтобы собраться с силами, и кажется, наверное, могу теперь на себя положиться; я давно уже обещала себе переламывать все слишком сильные движения души и удерживать их рассудком, и так на этот счет не беспокойтесь. Второе ваше требование совсем неисполнительно, вы не подумавши это написали; это для меня совсем не *обряд*, нет ни одного дня, в который я бы не пожелала быть там, ни одного удовольствия, ни одной счастливой минутки, которую бы я не променяла на то, чтоб быть там; сильного впечатления это на меня сделать не может, я перенесла сильнее, — и обещаю вам, что ни Маменька, ни Саша, ни Маша со мной там не будут. Их

---

¹ Датируется как ответ на письмо Жуковского от июля 1813 года: Авдотья Петровна цитирует дважды строки из письма Жуковского.

здоровье мне слишком дорого, чтоб я им могла это позволить. Ежели бы я сказала, что за здоровье моей Маши я отдала бы жизнь, то, право, теперь сказала бы мало; я отдала бы ее охотнее, чтоб избавить ее от часу грусти; — досады на нее я никогда ни минуты не имела, но уверяю вас, если вам мало того, что я себе это тысячу раз обещала, что *взыскательности, неудовольствия и требований* всякого рода она от меня не увидит никогда, что для меня довольно того чувства что она *мне* теперь все на свете и что от нее не буду требовать ничего. Напротив, мне часто бывает очень грустно, что она так меня любит; от своей горести я не могу ее избавить, хотя бы и хотела. Она слишком добра, всегда меня найдет, всегда мои слезы, как бы я их скрыть не хотела, ее огорчат, и часто бывало, что мы вместе проплачем час, не сказавши друг другу ни слова. Но обещаю вам, что я всеми силами буду стараться, чтобы и этого не было, и вы так же должны выдумывать для нее разные занятия и развлечения, ежели часто я не в силах буду удержать то, чтобы она ни одной мною занималась. — Пожалуйста, не примите этого иначе как так, как оно сказано, ее здоровье и спокойствие для меня несравненно ни с чем, а если я не всегда могу сладить с своею грустью, то очень буду рада, ежели она меня в эти минуты не увидит. — Хотелось бы мне вам сказать многое об этом, но, право, не в силах, вчера целый день не писала к вам для того, что было очень грустно, и боялась сказать многое, что вам показалось бы непростительно и непонятно, сегодня спешу.

Еще одно слово об вашем последнем пункте. Неужели вы думаете, что я не вижу, что совсем не исполняю многих должностей и самым непростительным манером, и что в то время, когда пишу ноты и читаю Ифланда¹ все равно чтоб меня и не было совсем. Поверьте, что это меня больше всего сокрушает. Я была бы совершенно довольна, если бы могла посвятить их совсем воспитанию детей и заняться порядочно хозяйством. Если бы намерение, которое мы имели *вместе*, могли и теперь исполниться, хоть я и одна, это верно и мне бы лучше было жить, и хозяйство наше пошло бы лучше, и дети были бы добрые, полезные люди, и вечно обожали бы своего отца.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 12, л. 1—1 об.

Печатается по автографу.

4. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

В июле (без числа), вероятно, 1813 г.², в Мишенском.

Ваше милое письмо, которое очень меня тронуло, еще более утвердило меня в мысли, что вы имеете высокую душу и прекрасное сердце. Но я не могу не сделать замечаний на некоторые места: *«нет ни одной счастливой минуты, которую бы*

¹ ... читаю Ифланда... — См. примечание к письму 1.

² Датировка устанавливается по содержанию: письмо является ответом на письмо А. П. Елагиной от июля 1813 г.

я не променяла на то, чтобы быть там; сильного впечатления это на меня сделать не может — я перенесла сильнее». Простите, милая, я вас огорчаю, но не могу не сказать того, что думаю. Ваше чувство для меня понятно, я ценю его настоящим образом, его источник благородный, но, право, рассудок ему противится. Оно есть для меня новое доказательство, что вы *привязаны* к своей горести и намерены ее *питать*. Что же в свете может усилить ее более, как не предмет, столь печальный, возбуждающий такие горестные мысли! Не удаляться от него значит *самой* стараться раздражать свою болезнь. Быть там! Скажите, милая, что будете *там* делать? чего вы будете там искать? Неужели утешения? или сил для перенесения печали своей? «Сильного впечатления это на меня сделать не может». Что ж вы это говорите? Можно ли так себя обманывать? Какое же впечатление? неужели приятное? Нет, милая, я бы очень был счастлив, когда бы могли вы решиться пожертвовать *на этот раз только* своим намерением. Дайте еще волю времени и мыслям. Когда вы более обдумаете все выгоды своего положения, когда более утвердитесь в мысли, что вы можете быть еще истинно счастливы — тогда можете дать себе полную свободу. А теперь бы смотреть за собою как за младенцем; и пуще всего не говорить: «нет ни одной счастливой минуты, которой бы не променяла на то, чтобы быть там». Это язык горести, разгоряченной воображением! Ваше место не там — ибо там все говорит о потере, все возбуждает отвращение к жизни — (а такого рода мысли и чувства вам запрещены), ваше место подле ваших детей; вот милые памятники, при них вы находите спокойствие души, надежду и самым чистым образом удовлетворяете своей чувствительности! Но что можете вы сказать гробу? И еще более: что скажет он вам? Этот язык ужасен! Если бы вы могли переломить себя и не удовлетворять сильному влечению сердца, которое, право, требует от вас поступка, противного вашему спокойствию! И тем более это пожертвование нужно, что вам нельзя будет скрыться от других; те вас не выпустят из глаз, а я опять напомним о состоянии Машина здоровья. Теперь спокойствие для нее нужнее, нежели когда-нибудь: ей необходимо нужно возвратить потерянные силы.

Следующая фраза написана точно вами: «для меня довольно того чувства, что она *мне* теперь все на свете и что от нее не буду *требовать* ничего». Вы забыли прибавить, что и вы для *нее* все; и что вам уже ничего более не осталось от нее требовать: ибо вы все имеете. Для такой связи, какова ваша, нужна только *доверенность*, ею она укоренится, ею она будет приятна и сделается верным счастьем на всю вашу жизнь.

Вы говорите, что ваша недеятельность в рассуждении воспитания детей и хозяйства сокрушает вас. Но почему же деятельность не в вашей власти? Вы можете заняться чтением без всякого помешательства, и все расположение времени, нужного для этого занятия, зависит единственно от вас; читая книги о воспитании, которых и у вас, и у меня довольно, вы будете собирать нужные сведения (дети между тем будут в ваших глазах и ничто их испортить не может), в год или в полтора много можно набрать сведений — время между тем не уйдет, и все еще можно будет привести в исполнение. Этим и в Муратове, и в Долбине можете заниматься

с одинаковым успехом. Что же касается до хозяйства, то надобно непременно найти человека, которому бы поручить его; за ним можете вы наблюдать, но он будет иметь на руках главные хлопоты. Для вас же воспитание пусть будет главным занятием. Прочие занятия будут только отдохновением. В этом случае Маша вам помощник самый усердный и, такого рода занятие ей самой не только будет приятно, но и весьма полезно. Оно будет заменю того, чего ее лишают, и заменю самую сладостною. Быть вам товарищем, вашим сотрудником в такой милой должности! Это может быть между вами иного рода связью и самую тесною. Вы будете и здесь не одни.

Для чего я все это пишу? Собственного счастья, того, которое мне *нужно*, я иметь не буду! Мне остается видеть его только в вашем милом круге — оно все будет *моим*. Когда буду его находить вокруг себя, тогда и работа будет для меня наслаждением! Даже и для моей *славы* должны вы стараться быть сколько можно счастливее! Без душевного спокойствия нельзя трудиться с успехом. «En vous suppliant d'être heureuse autant que possible je plaide ma propre cause»*.

Перевод

*Умоляя вас быть счастливой, насколько это возможно, я защищаю свое собственное дело (*франц.*).

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РС, 1883, № 1. С. 204—206.

Печатается по первой публикации.

5. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Весна 1814 года¹

а здешняя жизнь, согнившая в бездействии всех чувств, не есть ли зараза неизлечимая и для вечности». Что будем мы там, если мы здесь ничто? — Любовь! — неужели она ничто без счастья? и без какого же счастья? — Неужели не довольно ее одной, чтобы не гнить душою? — а любить Машу! — ужели это не то же, что любить добродетель? Можно ли это назвать бездействием всех чувств? — Эта минута забвения не сходна с твоею прелестною душою, добрый Жуковский. Она достойна Маши! и будет ее достойна всегда!.. Твоя душа должна быть выше судьбы, выше несправедливостей, неудач, выше смерти! Я на нее полагаю такую же надежду, как на доброе Провидение; Его сердце нас ни на минуту не покидает, молитвы дружбы будут услышаны, и счастье будет в твоём милом сердце. — Маша! Ангел мой! Его спокойствие довольно для тебя! Будь

¹ Дата отрывка из письма устанавливается на основании содержания: в дневнике 21 июня 1814 года Жуковский пишет Маше: «Дуняша всех лучше умеет тебя любить, всех лучше тебя понимает и с нею всегда говорим о тебе одним языком» (ПСС2. Т. 13. С. 72).

радость и тишина в его душе, и ты, верно, ничего не пожелаешь на свете! — Друг мой! неужели так любят только женщины? — Но нет! это ненадолго! — У вас и здесь судьба прекрасная! Для нее можно *жить*, можно *нести* много! — Любить тебя всегда сердцем полным, быть *везде вопреки всего* тебя достойным; жить, действовать, делать добро в глазах доброго, нежного отца, к которому потом перенести все чувства во всем полном своем, — *что* может отнять эту цель? Что разлука? несправедливость? страдание? — А он еще *любим*! — Боже мой! Это несравненное чувство не щит ли против всего?.. И мне ему не говорить о вечности? Не все ли будущее вам принадлежит? — Там, что разлучит? — Маша! будь спокойна! Ты его считаешь, *любишь*, для него и *от него*, любишь все, что хорошо, что возвышает душу, — а он презрит жизнь? Это невозможно! — Кто лучше его может довольствоваться *своим* сердцем? И если наши малейшие желания не исполнятся, для него еще много осталось! — Не он ли сказал, думая о тебе: *я в мире! я с тобою*! — Где бы вы ни были: *доверенность* соединит вас! — Разлука? но он верит твоему сердцу. Доверенность! Любовь святая! и сердечное желание старания быть добрым беспрестанно, под надзором доброго Бога, с этим и не его вели

Автограф: РГБ, ф. 99, к. XXII, № 33, л. 1—1 об.¹

Печатается по автографу.

6. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Апрель 1814²

Милый брат! вот вам письмо от нашей Маши! — другое ко мне, грустное, очень грустное я к вам не посылаю, потому что она не велит, но скажу почти все, что в нем написано. Она *писала* к Маменьке, сказала ей все, что на душе было, просила у ней счастья такого, какое она позволить может; доверенности, искренности, дружбы, жить вместе в ее глазах и просто быть счастливыми. — Маменька прочла это письмо, написанное подле нее и писанное горькими слезами, и вот ответ: *Разве ты думаешь, мне легко будет знать, что о тебе дурно говорят?* — На другой день отвечает на бумаге: что *в порок* впадают постепенно и поэтому теперь еще вам нельзя жить вместе, что Маша слишком дорого заставляет ее платить за свою жертву и пр. и пр. — То же, что прежде, что всегда, любит одна: я! жертва! Правда, это не стоит того, чтобы об ней говорили!

Маша! Жуковский! счастье их! счастье истинных друзей!.. Ну, стоит ли это труда и подумать!

¹ Письмо без начала и конца, адресовано В. А. Жуковскому и Маше Протасовой

² Датируется на основании упоминаемых событий: в апреле 1814 г. Е. А. Протасова дала решительный отказ на брак Жуковского с Машей Протасовой; отказ стал началом активных действий Жуковского и Авдотьи Петровны в стремлении сломить сопротивление Екатерины Афанасьевны.

Милый друг! мне грустно! грустно очень, поэтому не хочется писать к вам! хотелось бы говорить с вами тогда, когда в сердце друга вашего отзывался бы голос надежды, но что же делать! Где ее взять? — Маша бранит меня за мое письмо к Маменьке, Марья Николаевна бранит меня тоже¹, Маменька не пишет ко мне ни одного слова! Неужели я в самом деле вам только повредила. Милые друзья! Придется и мне желать *праздника на мою улицу!* — Жуковский! Какое это слово скверное в вашем последнем письме! оно тяжело легло у меня на сердце! — Пожалуйста, желайте по крайней мере *праздника общего!* То есть и Маше, мне и многим! — Иначе он и не будет.

Прощайте, Бог с вами! Валленштейна посылаю, и два тома вашего Шекспира², которые Маша прислала вместо моих книг.

Послушайте еще, милый брат! Ав(доть) Ник(олаевны)³ не будет! — Меня это адует! радуется очень! — Как будто бы счастье хочет на нас оглянуться. — Вот уже одно хорошо. — Другое хорошо то, что на Воейкова перестали сердиться⁴ за его искренность. Поезжайте к Ивану Вла(имировичу)⁵, на что нам терпеть из доброй воли возможность за что-нибудь уцепиться?

Милый брат! очень, очень бы мне хотелось поскорее вас увидеть! — или хоть тех, кто вас много любит. Поклонитесь вашим хозяевам! —

Напишите, пожалуйста, мне словечко об себе! — это есть словечко подробное. Дети вас целуют.

Нет ли у вас письма ко мне от Маменьки, о котором говорит Маша?

¹ ...*Марья Николаевна бранит меня тоже...* — Марья Николаевна Вельяминова (в замужестве Свечина, 1781—1821), племянница Жуковского, принимавшая участие в драматически развивавшейся истории любви Жуковского и Маши Протасовой на стороне Екатерины Афанасьевны, о чем свидетельствует письмо Е. А. Протасовой к Авдотье Петровне: «О поездке к архиерею я сегодня говорила с Марьей Николаевной; она, моя милая, на этот счет одного со мной мнения и также уверена, что для нас постановления церковного не отменят» (УС. С. 291).

² *Валленштейна высылаю и два тома вашего Шекспира...* — В Долбине в доме у Авдотьи Петровны хранилась библиотека Жуковского, которую она переправляла ему в Петербург. *Валленштейн* — трагедия Ф. Шиллера «Валленштейн» (1800).

³ *Авдотья Николаевны не будет!* — Авдотья Николаевна Арбенева (урожд. Вельяминова, 1784—1831), племянница Жуковского, вставшая на сторону Екатерины Афанасьевны в ее сопротивлении браку поэта с Машей Протасовой, Жуковский тяжело переживал ее предательство. См. подробно в письме к А. И. Тургеневу от 5 мая 1814 г. (ПЖТ. С. 115—116).

⁴ ...*На Воейкова перестали сердиться...* — Александр Федорович Воейков (1778—1839), поэт, журналист, жених А. А. Протасовой.

⁵ *Поезжайте к Ивану Влад(имировичу)* — Иван Владимирович Лопухин (1756—1816), князь, известный деятель русского масонства, великий мастер одной из лож, друг И. П. Тургенева, характеризовался активной деятельностью по организации помощи бедным, устройством школ, созданием типографий; автор ряда мистических сочинений: «Нравоучительный катехизис истинных франк-масонов» (1790), «Духовный рыцарь или ищущий премудрости» (1791), «Излияния сердца чтущего благость единоначалия» (1795) и др. Вышедши в 1812 году в отставку, он поселился в имении Кромы на берегу Оки, где жил до смерти.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 14, л. 8—8 об. —9.

Печатается по автографу.

7. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

До 16 апреля 1814 г.¹

Милый брат мой, я забыла совсем альбом Анны Николаевны², спешу написать в него и послать догнать вас с ним. — Ежели не догонят, то застану я вас в Черни, откуда вы мне скажете, как вы доехали и здоровы ли вы? — Это беспокойство *me sert de contrepoids, pour un voyage qui a fait tant de bien à mon coeur**.

Бог даст и его доброту, и вы будете здоровы, и все у нас будет хорошо. Напишите и вы в Альбом, а тех книг не надобно!

Confiance! Courage! — et bonheur!**

Перевод

*Служит противовесом путешествию, которое доставило столько удовольствия моему сердцу (франц.).

**Доверие! Мужество! — и счастье! (франц.).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 14, л. 13.

Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 4.

Печатается по автографу.

8. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

16-го апреля Муратово, 1814³

Здравствуйте, милая моя сестра, новая знакомка и старый друг!⁴ Вы мне дали на дорогу добрый запас размышлений и чувств. Месяца за два я бы не вообразил, что мне будет можно поехать *с грустью* из Долбина в Муратово — бедные мы люди!

¹ Датируется на основании упоминания об альбомах, которые муратовские и долбинские друзья Жуковского заполняли на память. В таком альбоме А. П. Киреевская переписала Жуковскому перед его отъездом в Дерпт главу «Шиллер» из книги мадам де Сталь «Германия» (ПД. № 27802, л. 2—2 об.).

² ... альбом Анны Николаевны... — Анна Николаевна Вельяминова (1785—1859), племянница Жуковского.

³ Год определяется по упоминаемой дате 2 июля, на которую была назначена свадьба Воейкова и Саши Протасовой (ПЖТ. С. 117).

⁴ *Здравствуйте, моя милая сестра, новая знакомка и старый друг!* — Это обращение Жуковского к Авдотье Петровне прокомментировано П. Висковатовым: «Эти слова относятся к тому, что незадолго Авдотья Петровна узнала о привязанности его к Марье Андреевне. Он открылся ей и она стала его союзницей в хлопотах о получении согласия Екатерины Афанасьевны на брак с Марьей Андреевной» (Примечание П. Висковатова. РС, 1883, № 2. С. 436).

Думаем о бессмертии, о горнем, отдаленном счастье, а под носом не видим того, что может нас утешать и делать довольнее. Наше путешествие сделало и моему сердцу большое добро; оно помогло ему найти находку — *доверенность* к дружбе, прежде смешанную с сомнением, потом почти совсем разрушенную, — обратиться в *веру*, не есть ли это находка? И не везде ли видно доброе Провидение? Отымая с одной стороны, оно всегда заменяет с другой. С полною доверенностию я сунулся было просить дружбы там, где было одно притворство, и меня встретило предательство со всем своим отвратительным безобразием — от вас не думал ничего требовать, и все само сделалось. Эта мена ничуть не убыточная; а вместе с нею и добрый урок.

Вот вам моя реплика. Поехав от вас¹, я думал ночевать в Черни. Но в Болхове узнал, что Плещеев, мой добрый негр, который белых книг не страшится, приехал один из Ельца. Я скорее в Чернь; но его не застал — он уехал в Муратово. Переменив лошадей, скачу за ним. Ночь и страшная грязь не выпустили меня из Козловки, и я ночевал у Марии Николаевны. Она сказала мне официальную новость: *свадьба назначена 2 июля, а после свадьбы едут в Дерпт*². Я поглядел на своего спутника — вы его знаете. Больная, одержимая подагрою надежда, которая скрепя сердце тащится за мною на костылях и часто отстает. — Что скажешь, товарищ! — Что сказать? Нам недолго таскаться вместе по белу свету. После второго июля — что бы ни было — мы расстанемся! Или покину тебя одного и бреди, как хочешь! или оставлю тебе свою сестрицу, которая лучше меня и гораздо лучшее (но только для добрых) *исполнение*. С нею дурной человек становится хуже, а добрый гораздо лучше. Она приготовит тебя к тому обетованному краю,

Где вера не нужна, где места нет надежде,

Где царство вечное одной любви святой!³

— А если останусь один! — Тогда! Готовься, как умеешь сам, к переселению в этот край! Но едва ли удастся получить пропускной билет!

Разве чудо путь укажет

В сей прелестный край чудес!⁴

— Но ждать чуда? Кто его дождется! — И я тоже думаю! — Что же делать! — Не знаю! а для меня верно только то, что мы расстанемся! — вот вам слово в слово весь наш разговор.

Поутру рано приезжаю. Плещеев здесь по делам⁵. У них все идет лучше:

¹ *Поехав от вас...* — «На святую Авдотью Петровна приезжала в Муратово» (Примечание П. Висковатова. РС, 1883, № 2. С. 432).

² ... *свадьба назначена 2 июля...* — Речь идет о свадьбе А. А. Протасовой и А. Ф. Воейкова.

³ *Где вера не нужна* (...) *одной святой любви* — Две заключительные строки «Элегии» (1802) Андрея И. Тургенева.

⁴ *Разве чудо* (...) *прелестный край чудес!* — Заключительные два стиха из перевода «романса» Шиллера «Желание» В. А. Жуковского.

⁵ *Плещеев здесь по делам* — Александр Андреевич Плещеев (1778—1862), кузен М. А. Протасовой, композитор-дилетант, «тульский помещик», «Негр», будущий арзамасец, друг Жуковского, адресат многочисленных посланий поэта, отец декабристов Алексея и Александра Плещеевых, и его жена, Анна Ивановна (урожденная Чернышева, ум. 1817), — владельцы ро-

Вадковская стала поздоровее¹ и весною ее перевезут в Орел. А сами Плещеевы возвратятся в Чернь недели через две. Я принят был по-обыкновенному; но давая мне руки, смотрели на Плещеева. А мой подагрик шепнул мне на ухо: терпи! тебя будут *любить*, когда получишь свободу быть тем, каким быть хочешь и можешь. И сердце скрепилось. Но было ли оно довольно так, как бывает довольно у человека, возвратившегося в тот круг, где его счастье, где его настоящая жизнь?.. Нет! Нет! сиротство и одиночество ужасно ввиду счастья и счастливых! Гораздо легче быть одиноким в лесу со зверями, в тюрьме с цепями, нежели подле той милой семьи, в которую хотел бы броситься, из которой тебя выбрасывают. Благодаря моему подагрику это все для меня пока сносно. Но когда он от меня отковыляет в дальнюю, неизвестную сторону — тогда быть совсем выброшенным будет даже утешительно — можно разбиться вдребезги. Плещеев уехал во втором часу. У Воейкова заболела голова² — его положили в кабинете; сами подкладывали ему под ноги, под голову подушки; я сидел спичкою и на меня поглядывали с торжествующим, радостным видом — в самом деле торжество и радость. Я посматривал исподлобья, не найду ли где в углу христианской *любви*, внушающей сожаление, пощаду, кротость. Нет! одно холодное *жестокосердие* в монашеской рясе с кровавою надписью на лбу *должность* (выправленную весьма не искусно из слова *суеверие*) сидело против меня и страшно сверкало на меня глазами.

дowego имения Чернь. Атмосфера черненского общества, литературные и театральные вечера, музыкальные сочинения хозяина занимают важное место в биографии поэта. Подробнее см.: Соловьев Н. В. История одной жизни. Петроград, 1916. Ч. I — II.

¹ ... *Вадковская стала поздоровее*... — Екатерина Ивановна Вадковская (урожд. Чернышева), сестра Анны Ивановны Плещеевой.

² *У Воейкова заболела голова*... — «В конце 1813 года приехал в Муратово к Жуковскому Александр Федорович Воейков — тогда уже пользовавшийся некоторою известностью как сочинитель сатирических стихов и критик на произведения литераторов. Он печатал их в журналах, и между прочим и в “Вестнике Европы”. Жуковский ввел Воейкова к Протасовым и другим родным и знакомым. Воейков проник тайну Жуковского и написал ему в дневник, говорят, тайком несколько стихов, касавшихся отношений Жуковского к Маше. Дружба их в то время была велика, и Жуковский еще 29 января 1814 года в послании к Воейкову писал:

Да кто, скажи мне, научил
Тебя предречь осьмью стихами
В сей книге с белыми листами
Весь сокровенный жребий мой.

Он даже обещал подарить Воейкову этот дневник, когда тетрадь будет исписана. Но это обещание осталось неисполненным, ибо спустя несколько месяцев, когда Воейков попросил руки Александры Андреевны Протасовой — сестры Маши — и втерся в доверенность к Екатерине Афанасьевне, то он с надменностью начал преследовать Жуковского. Да и для Екатерины Афанасьевны, кажется, было удовольствием высказывать любовь к Воейкову в присутствии бедного Жуковского, которому не дано было счастье тесного сближения с семьею Протасовых. Мать Маши его всячески отгалкивала и отстраняла. Обращение Воейкова с Жуковским стало столь нестерпимым, особенно встречая поощрение со стороны Екатерины Афанасьевны, что поэт должен был (в августе) наконец покинуть Муратово, поселиться в Долбине у Авдотьи Петровны» (Примечание П. Висковатова. РС, 1883, № 2. С. 436).